

КНИГОИЗДАНИЕ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ

ЕВГЕНИЙ
СТЕПАНОВИЧ
ЗАШИХИН

ТЕКСТ КАК ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Заметки редактора

Каковы пределы дозволенного при «вторжении» литературного редактора в художественный текст? Уже сама постановка подобного вопроса автоматически переводит разговор в плоскость неких абстракций. Между тем конкретное обсуждение этой проблемы могло бы быть весьма продуктивным, как для редактирующих, так и для пишущих и читающих.

Поводом для этих страниц послужила вполне штатная ситуация во время государственного экзамена на кафедре издательского дела и редактирования Тюменского университета. Председатель комиссии профессор Б. В. Ленский, авторитетный в издательском мире человек, комментируя студенческие ответы, несколько раз повторил тезис о том, что молодым людям, еще только «приступающим» к профессии редактора, не следует обольщаться и преувеличивать свою будущую роль в создании «конечного продукта»: книгу делает прежде всего автор.

По сути, Борис Владимирович, конечно же, прав, поскольку в основной своей массе писатели, чьи имена остались в истории литературы, масштабом личности заметно превосходили своих «правщиков». Так что известная идиома про телеграфный столб, который — «хорошо отредактированная сосна», не возникла беспричинно.

Однако ситуация бывает иной — в особенности в удалении от столиц, где региональное творческое сообщество не создает ощутимой литературной среды. Где «безжурналье» и засилье «назначенных» еще былыми обкомами компартии писательских авторитетов. Где всего пара-тройка книжных издательств, но зато работают там люди, прошедшие определенную профессиональную селекцию, «штучные».

Проработав два десятка лет главным редактором в ряде крупных издательств Уральского региона — Средне-Уральском книжном, «У-Фактории», «Сократе» — и решительно освобождаясь при этом от коллег, которые не могут «навязать»

(до известной степени) литератору свою волю, дабы текст отвечал и его, редактора, представлениям о качестве творческого труда, я, разумеется, внутренне хотел как-то скорректировать слова Бориса Владимировича, но безмолвствовал, поскольку мы оба рисковали уйти в схоластику: ведь и о мере «вмешательства» или «невмешательства» литературного редактора всегда следует говорить конкретно.

Только отмолчаться не удалось, поскольку одна из студенток со ссылкой на меня самого процитировала: «Разговаривая с автором, будь готов взять в руки табуретку». И хотя я не помню, чтобы говорил подобное, тем более на лекции, проблема налицо: вопрос о пределах *дозволенного* редактору — один из принципиальных вопросов, встающих перед каждым, кто сидит над чужой рукописью с пресловутым красным карандашом.

...Не могу не давать себе отчет, что заглавие, выбранное мной для заметок, в силу своей *прецедентности* будет вызывать ассоциации с известной работой Артура Шопенгауэра. Поэтому охотно предположу своим почеркушкам на полях некоторых рукописей, становящихся книгами, подходящую по смыслу цитату из этого фундаментального труда.

«Форма нашего сознания, — считал выдающийся немецкий философ, — не пространство, а только *время*, поэтому наше мышление не происходит, как наше созерцание, по трем измерениям, а только по одному, следовательно, по одной линии без ширины и глубины. Из этого проистекает самый большой из существенных недостатков нашего интеллекта. Мы познаем все только в его последовательности, сознаем в каждый данный момент только одно, и одно только при условии, что, сознавая его, забываем, вообще перестаем сознавать все остальное, и оно как бы перестает для нас существовать. В этом своем свойстве наш интеллект можно сравнить с телескопом, имеющим очень узкое поле зрения, так как наше сознание не устойчивое, а текучее»¹.

Так что возьмем в руки — нет-нет, не табуретку — телескоп...

В нынешнем, 2007 году, на весенней ярмарке «Книги России», проходившей в марте в Москве, в седьмой раз вручалась антипремия «Абзац», которую учредила газета «Книжное обозрение» совместно с Генеральной дирекцией книжных выставок и ярмарок. Среди произведений, вошедших в шорт-лист по номинации «Худшая редактура» (итоги подведены будут после сдачи моих заметок в печать), оказалась «Земля войны» Юлии Латыниной.

Что ж, удивляться тут нечему: отсутствием редакторского «догляда» отличались и предыдущие книжки этой блестящей журналистки и популярной писательницы.

Лично у меня собственная «двойственность» отношения к латынинской прозе доходила до смешного. И прочитав подаренный мне Юлией Леонидовной роман «Джаханнам» (честнее сказать, я его попросту выпросил у нее во время случайной встречи на одной из Московских международных книжных выставок-ярмарок пару лет назад, так как очень уж хотел иметь автограф любимой обозревательницы политических нравов сегодняшней России), я написал на книгу вполне одобрительную рецензию, в итоге так и не опубликованную. Однако попутно сделал для себя список избыточно схожих «ляпов», которые внимательный сторонний профессиональный взгляд по идее должен был бы отловить.

Вот та — теперь уже давняя — рецензия:

Место встречи
изменить нельзя

Новый роман² известной по острым аналитическим выступлениям «Эха Москвы» и «Новой газеты» журналистки воспринимаешь как произведение по-настоящему модного писателя. Ведь книгу ищут... Сказывается эффект «Идиота»: нет, я не про состояние публики у телеэкранов — я про тот факт, что после сериала по одноименному роману Достоевского книги классика стали... покупать. При той лишь разнице, что сведенный к формуле «И богатые тоже плачут!» фильм 1-го канала по латынской «Охоте на изюбря» совсем уж далеко отстоит от литературного первоисточника.

Джаханнам, вошедший в название произведения, «ад, куда после смерти (здесь и далее подчеркнуто мною. — Е. З.) попадают те, кто не слушал Аллаха». Впрочем, автор этого пояснения, один из главных героев романа — Халид Хасаев, чеченец (бандит, террорист и т. п.), считает, что «наш народ попал туда **при жизни**». И не только во время депортации периода Отечественной войны, но и сейчас, когда второй десяток лет на Кавказе идет «наведение» конституционного порядка. А коль «ни один хозяин не обходится со своим нужником так, как **вы** обходитесь с частью России», комментирует текущую политическую ситуацию Хасаев, то ад переносится на территорию других субъектов Федерации.

Вы — это наше насквозь коррумпированное государство: и жирующая на откатах чиновничья бюрократия, и лицемерящие фарисеи-политики, и увязшие в перетерках с последующим кидаловом на бабки правоохранительные органы, и хронически больная (причем не только лишь дедовщиной и генеральской заикленностью на дачах возле Рублевки) нищая и разложившаяся армия, и подсевшие на иглу приватизации олигархи, и народ, спившийся до уровня быдла (электорат!), и бандиты, разводящие лохов из всех слоев общества.

Детективная интрига романа — в операции чеченских боевиков на Дальнем Востоке по захвату нефтеперерабатывающего завода, после взрыва которого возникнет угроза отравления сероводородом миллионного города. Почему именно там, понятно — чтобы помнили: велика Россия, а убежать некуда! Боевикам противостоит... (вот тут-то и понимаешь справедливость обличительного пафоса Латыниной — никто им не противостоит!) Есть, правда, в последний момент спасающий-таки город герой-одиночка — майор Яковенко, но у него явные проблемы с психической адекватностью, объясняемые спецификой кровавой и неблагодарной спецназовской работы.

Все прочие персонажи «в доле» или поиске собственной выгоды. Я не говорю о невинных жертвах (это которые страдают, несмотря на то, что не при делах) — их самоощущения автор передает вполне физиологически: «Он чувствовал себя как женщина, которую притиснули и попользовали у темного забора». Причем «попользовали

самые разные люди» – надо только отследить за какой период времени...

Юлия Латынина вновь доказала высокую гражданственность своих творческих установок. Это видно по сатирической остроте в изображении людей, не компетентных руководить тем, во главе чего они поставлены. Пусть обличение это идет зачастую перечислительным штрих-пунктиром: «Губернатор Озеров был пьян с девяти утра. Генерал Веретенников погубил больше русских солдат, чем Халид Хасаев. Генерал Терентьев, командовавший подразделением волкодавов, сам за свою жизнь лично убил только одного человека – три года назад задавив по пьяни прохожего на остановке». Зато обобщение идет сразу и недвусмысленно: «Чем меньше они понимали в своем деле, тем больше они были преданы тому, кто их назначил. Их некомпетентность была залогом их верности, а верность была основой круговой поруки».

Кажется, нечто подобное мы уже проходили. И даже солидарно с обличающим тогдашний общественный застой «Наутилусом Помпилиусом» подпевали песне про «скованных одной цепью»...

Это была рецензия, а вот выписки некоторых из покоробивших мое эстетическое чувство фраз, с указанием в скобках страниц. Для удобства цитаты сгруппированы в тематические «кучки».

Лица

«Полный мужчина с лицом цвета куриного филе – прокурор края Андриенко» (с. 12).

«Лицо прокурора было цвета филе трески» (с. 52).

«...лицо Руслана было цвета филе трески» (с. 164).

«Лицо Яковенко было цвета цедры лимона» (с. 378).

«Генерал Терентьев сидел на полу и имел цвет собственных трусов, если, конечно, он носил трусы белого цвета» (с. 404).

Глаза

«...и как будто испитыми глазами» (с. 127).

«Следователь Очипко оказался полным молодым человеком с выкаченными глазами» (с. 179).

«Высокий худой человек с глазами, похожими на выцветшее небо» (с. 198).

«Рыдник посмотрел на коммерсанта мертвыми глазами» (с. 201).

«Глаза олигарха стали цвета замерзшего кислорода» (с. 253).

«Глаза Халида были цвета космического вакуума» (с. 313).

«Савелий Рыдник обвел собравшихся тяжелым полумертвым взглядом» (с. 318).

«Голубые глаза олигарха были холодны и пусты» (с. 343).

«И вот теперь у этого человека были глаза, как у трупа» (с. 469).

«Шкурки»

«Молодые женщины в платьях, сидящих на них, как шкурка на абрикосе» (с. 13).

«Стройная красавица в розовом платье, тесном и прозрачном, как шкурка сосиски» (с. 14).

«...обмяк на полу, как шкурка, из которой вынули банан» (с. 29).

Примеры можно было бы продолжить, потому как самоповторы и «клоны» стилистических фигур — с разными вариациями — в «Джаханнаме» встречаются в пугающем изобилии. Не трудно сделать такие же выписки из следующего романа Латыниной — «Ниязбек»³. Там тоже идет примитивное портретирование, типа: «С лицом, морщинистым, как орех» (с. 5); «Морщины на чисто выбритом лице были такие частые, словно его бросили на раскаленную сетку» (с. 54); «В двух метрах от него старый чеченец с лицом, сморщенным, как гофрокартон, упаковывал в мешок труп» (с. 117); «...смуглое лицо чеченца, иссеченное морщинами, как растрескавшаяся могильная плита» (с. 329) и т. д. Вряд ли подобные «клише» и повторы надо как-то комментировать.

А «сентенция» тут вытекает следующая: никакие личностные достоинства автора, никакая *раскрученность* его имени не дают издательству права выпускать книгу без того, чтобы по тексту не прошелся добрый, а потому взыскательный взгляд главного авторского единомышленника (если говорить о благородной миссии художника слова), его литературного попутчика (на пути к читателю) и даже «подельника» (по ответственности за качество книжного продукта) — редактора.

Убежден, что, когда речь идет об ответственности редактора за художественный уровень книги, никакая «апробированность» текста предыдущими изданиями не должна приниматься в расчет.

Мне как-то посчастливилось готовить к изданию трехтомник Александра Гениса⁴. Ясное дело, что общение с «половинкой» знаменитого дуэта Вайль-Генис оказалось довольно сложным. И по тому, что всякий раз звонить «через» океан было накладным для издательства. И по тому, что из-за разницы в часовых поясах электронную почту друг от друга мы читали с опозданием минимум на полсутки. И по тому, что вежливое «давайте оставим так, как было», прозвучавшее после первого же моего «вопроса», сразу же обозначило ту пропасть, что отделяет редактора из затерянной посреди России «глубинки» от автора, чье имя не сходит со страниц самых востребованных изданий: тут ведь для всякого писателя существует потенциальная угроза, что он сделается заложником своеобразного профессионального снобизма закомплексованного провинциального издателя...

Впрочем, так продолжалось недолго: если учесть, что дебютным текстом первого тома шла «Американская азбука»⁵, построенная по алфавитному принципу, то аккурат до буквы «Г». Главка называлась «Гараж» и начиналась так: «Гараж — это стойло для нежити, к которой, как поясняет Даль, относится «все, что не живет человеком, все, что живет без души». При обращении же к составленному Владимиром Ивановичем «Толковому словарю» выяснилось, что его определение извращено с точностью до наоборот, ведь он говорил обо «всем, что не живет человеком, живет без души и плоти, но в виде человека» — о домовых, водяных, леших, кикиморах⁶. В результате я позволил себе вставить в уже цитированную фразу только одно лишнее слово — помечу вставку полужирным шрифтом, стало: «к которой, как, **помнится**, поясняет Даль». Не думаю, что я как-то «улучшил» таким образом текст, но хотя бы намекнул, что автор цитирует по памяти.

В очередной «электронке» от А. Гениса последнее нашло подтверждение: что-то «повинное» было сказано про сегодняшнее — в американском удалении! — отсутствие возможности сверять тексты с первоисточниками. И что-то одобряющее в отношении моего энтузиазма по фактографии: мол, давай в том же духе. Надо ли говорить, что степень доверия автора к моим предложениям по «перечитыванию» того или иного места в его «отработанных» текстах после этого «инцидента» стала иной?

Рукопись, о которой сейчас пойдет речь, уже стала книгой — это прозаический сборник Кронида Гарновского «Солнечные зернышки», вышедший в самом конце 2006 года⁷.

К сожалению, имя ученого-натуралиста К. В. Гарновского мало что говорит современному читателю, ведь при жизни Кронида Всеволодовича (1905—1988) из печати, не считая научных публикаций и стихотворных подборок в периодике, вышла только одна его книжка — да и та детская («Медведь и ветер», 1960). А ведь это был незаурядный поэт, одаренный прозаик.

И еще Кронид Всеволодович был флорист-практик, проводивший геоботанические исследования в Западной Сибири (1940—1945) и на Южном Урале — в Кондо-Сосьвинском и Ильменском заповедниках. Впрочем, связи с Югорской землей Гарновский не порывал до конца своих дней, активно помогая сотрудникам заповедника «Малая Сосьва», вновь образованного в столь любимых для него местах, своими авторитетными советами. Не случайно и книга-то, о которой речь, выпущена по заказу Департамента информационной политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Именно заказчики и попросили меня «опытным» глазом взглянуть на уже сверстанную было книжку. Вот почему в выходных данных «Солнечных зернышек» я в конце-концов и оказался поименованным как «выпускающий редактор».

В нынешнее собрание малой прозы талантливого литератора, составленное прозаиком Николаем Коняевым, вошли этюды о природе и рассказы, а также «сказки леса» — произведения жанра весьма специфического, но весьма органичного для автора. Ведь он был в какой-то мере литературным учеником известного писателя-«природолюбца» Виталия Валентиновича Бианки и его сподвижником по ежемесячно звучащим во второй половине 1950-х годов по Всесоюзному радио выпускам «Вестей из леса».

Изданию, где сказки — с их «говорящими» лисичками в рыжих шубках и дедушками-пнями, лесной Хозяйкой, чье имя Осень-Краса Золотая Коса — предназначены, конечно же, для детского чтения, а рассказы, где присутствует ужас Гражданской войны — когда «сорок на одного, безоружного», которого в итоге и зарубили шашками — тексты, разумеется, для людей достаточно взрослых, грозила определенная размытость читательского адреса. В итоге оно рекомендует — цитирую аннотацию — «учащимся старших классов, а также всем тем, кто любит природу и неравнодушен к ее изменчивой красоте». Лукавость издательской отсылки налицо, однако не хотел бы хоть как-то упрекать создателей книги за подобный «компромиссный» подход. Более того, последний становится неким гармонизирующим способом «уравнивания» текстов не *под читателя*, а *под жанр*: все равно ведь Гарновский-прозаик — это прежде всего миниатюра — пейзажная ли, психологическая, но всегда очень точная в деталях.

Наше определенное недопонимание с составителем Н. Коняевым, которого высоко ценю как писателя и уважаю как прямого (что сейчас редкость) человека,

Книгоиздание: традиции и новые стратегии

оказалось связанным с подходом к тексту: канонический ли это вариант или все-таки можно трогать?

Спрашиваю, к примеру, по телефону, почему редакции рассказов Гарновского в Интернете отличаются от приводимых им вариантов? А он в ответ что-то толкует про свое недоверие к Интернету и про то, что его-де ксерокопии с вариантов 1978 года — наивернейшие. Только Кронид Всеволодович умер в 1988-м и не факт, что он свои тексты периодически не редактировал, то есть не улучшал.

Вот, например, начало рассказа «Федор Милый». Выделяю полужирным то, что у Коняева не вошло: «Жил в нашей деревне Федор, по прозвищу Милый, невысокий коренастый мужик, мирный, покладистый, но ничем особо не выдающийся. **Жил вдвоем со своей женой Зимовеей. Детей им Бог не дал. В доме — достаток, потому что оба они не ленивые были, работающие, и не нужно им было кормить ни стариков, ни малых ребят.** Скончался Федор еще не старым». В приведенных строках, на мой взгляд, и скрыта мотивировка характера персонажа: он ведь оттого и занимался коллекционированием, что (см. выше)...

А главное наше расхождение с Н. Коняевым было в следующем: я посчитал, что Гарновский — при всей своей явной литературной талантливости, вовсе не классик. И даже убрал абзац об этом из *предисловия* Николая Ивановича к книге. Оно вообще показалось мне раздутым, так что я текст подсократил, переставив его после прозы — стало *послесловие*.

...Мы все, те кто живет в провинции, подобным отношением к ушедшим из жизни литераторам-землякам нередко перебарщиваем. Оттого в каждой из областей можно найти писателя, чей завышенный посмертный авторитет связан не столько с текстами, сколько с идеологией выстраивания региональной репрезентативности.

Вот и к Гарновскому, на мой взгляд, надо относиться уважительно, но считать эти варианты текстов неприкосновенными — увольте: слишком часто автор дает повод задуматься над тем, что не печатался он не только по «высоким» причинам недоверия к «совписовскому» официозу, указываемым Н. Коняевым в его замет-

елена койляр. ГМИИ. ОБЩИЙ ВИД ЭКСПОЗИЦИИ ГОЛЛАНДСКОЙ ЖИВОПИСИ /эмплоумент проект

Общий вид экспозиции голландской живописи

ке, но и потому, что, видимо, руки не доходили до автоправки, которая, что Гарновский не мог не чувствовать, нужна. А то попросту спотыкаешься о заглавия, типа «Козодоенок». Чувствуешь себя бесконечно испорченным, когда в этюде «Аппетит пропал» желаешь вставить слово «ловле», дабы не читалось двусмысленное: «И вдруг — всё тут! Конец (сюда нужна указанная вставка! — Е. З.). Отрубил».

Лапидарность авторского стиля и экономия на оттенках смысла — все-таки разные вещи. Так, в этюде «Филька-еж» герой, плывущий на челноке, «ежа на дно пустил» — только отчего бы не высказаться чуток полнее, но с гарантированным пониманием: «...на дно лодки пустил» (курсивом выделил свою добавку)...

Возьмем для примера этюд «Человек горд», который начинается со слов Сатина из горьковской пьесы «На дне». Известнейший этот афоризм странно смотрится как «мысль» персонажа: взял вот, да так и «подумал» цитатой (которую уж в те-то времена знал каждый — в смысле ее авторства). К этому добавлена невразумительная (там контаминация двух фрагментов единого высказывания) цитата из Державина. По тексту сплошь идут случайные слова: скажем, «прилетел дрозд. Сел на макушку елочки у самой ямы и запел свою **сильную**, бодрую песню (выделенное полужирным я убрал).

Примеры определенной авторской неряшливости, типа «вдоль долины», где Гарновский не слышит внутренней рифмы можно приводить еще. Вспомним «как бы (?! — Е. З.) шорох... прорезающего (может быть, разрезающего? — Е. З.) алмаза» в одном из первых этюдов в книге — «Владыка Севера». Там, впрочем, есть и другие не бесспорные словоупотребления, типа: «пронизал» — не очень понятно только от какого глагола: ведь в словарях есть *пронизывать — пронзить, пронзил-пронзал*, но, вроде бы, нет глагола *пронизить*.

В этюде «Бестолочь», где герой, устанавливающий треногу, навинчивает на нее фотоаппарат, есть такое предложение: «Только хотел кассету вставить — в самый аппарат залезла». Поди, догадайся, что это мошкара, а не кассета!

Я понимаю, что известное обаяние есть у любого текста из архива, да еще когда ты знаком с нелегкой судьбой уже ушедшего из жизни автора, но есть ведь еще и современный читатель, в том числе и детский, которому какие-то вещи стоит адаптировать. Тем паче, что и сам Николай позволяет себе делать заглавия текстам, которые у автора их не имели.

Разумеется, я готов всякий раз *объясниться*, только это потребует времени. Потому приведу лишь несколько примеров.

Так, если у автора в рассказе «Степан Пашков» крестьянина, Георгиевского кавалера, убивают «за разговоры» (что на Руси всегда следует читать: из идейной нестыковки во взглядах) какие-то «солдаты или комиссары», то последнее обстоятельство имеет не вполне точное соответствие реалиям Гражданской войны. Вспомните популярнейшую песню про Орленка: там даже вопросов у слушателей не возникало: за «наших» он или за белых, поскольку шли в тексте слова: «Орленок, орленок, гремучей гранатой От сопки солдат отмело...» — ясен пень, что *солдаты*, равно как и *офицеры*, были только у белых, а красных бойцов называли *красноармейцами*.

И пусть мне даже ткнут в нос (если здоровья хватит) завизированный самим Гарновским текст этюда «Еловые лапки», где черным по белому будет стоять такой вот диалог:

— Не все ли равно?..

— Кабы было все **равно**, так и гор бы не было!

Я все-таки буду настаивать, что это — ошибка неведомой машинистки, и поставлю в первом слого выделенного мною полужирным слова еще одно О, а над

вторым О сделаю знак ударения. Ибо только так персонаж мог сказать, ежели обыгрывал идиому про горы.

Тут нечего упрямиться: да, к примеру, воробей у Гарновского в этюде «У застрехи» и впрямь мог выкрикивать только одно: «Чирик! Чирик! Чирик!». Но чтобы сегодняшние дети, получающие на завтраки от родителей *стольники* и отбирающие у первоклассников *чирики*, не подумали, что птичка таким образом клянчит червонец, я просто добавлю в начало коротенькое словцо «Чик!».

Или почему же не заменить авторское звукоподражание собачьему лаю «Вау, вау!» на более употребительное «Гав, гав!», дыбы убрать ненужные ассоциации с сегодняшним сленговым заимствованием из английского «Вау!», которым в телерекламе сейчас все чаще передают восторженное удивление или восхищение? Важна ведь не буква, а дух той прозы, что мы вдруг решили издать. Ради того, чтобы книга произвела как можно более благоприятное впечатление, можно будет, пожалуй, пожертвовать и манерным (да еще с сакральным числом семь в отношении... нечистой силы!) ругательством в уже процитированном по другому поводу этюде «Человек горд»: «Семь матерей дьявола!» — это же калька с иностранного, в которой от художественности — лишь желание высказаться *непросто*. Короче говоря, в силу вышесказанного необходимая правка — позволительна.

И еще я убрал в послесловии обильное цитирование писем от вдовы писателя Е. В. Дорогостайской: Н. Коняев педантичным образом приводил дословные приветствия и прочую этикетную атрибутику эпистолярных документов, цитировал подробности из жизни вдовы своего героя, которые она ему одному, то есть интимно, в общем-то, поверяла.

Три этих разноплановых (и разномасштабных!) примера, на мой взгляд, убедительно свидетельствуют в пользу насущной необходимости такой инстанции, как редактор. Он равно необходим и в интересах читающего, и в интересах пишущего. Вот почему сегодня в издательствах такой дефицит редакторов с опытом, знаниями и — главное! — вкусом. А вкус, знание и опыт приобретаются на практике. И в том числе в вузовских аудиториях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 218.

² Латынина Юлия. Джаханнам, или До встречи в аду. М.: ЭКСМО, 2005. 480 с.

³ Латынина Юлия. Ниязбек. М.: ЭКСМО, 2005. 384 с.

⁴ Генис Александр. Собрание сочинений: В 3 т. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

⁵ Чтобы было понятно, что имелось в виду под «как было», укажу два идентичных по тексту издания «Азбуки»: первое в качестве самостоятельной книги выходило у нас в Екатеринбурге (Изд-во Уральского университета, 2001), второе было помещено в трехтомнике «ЭКСМО» и «Подковы» «Раз-Два-Три», рекомендованном мне самим Александром Генисом как в определенной степени *каноническое* издание.

⁶ Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 (И-О). СПб.; М., 1881. С. 518.

⁷ Гарновский К. В. Солнечные зернышки: Этюды о природе, сказки леса, рассказы. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2006. 96 с.